

В Е С Т Н И К ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

№ 1
2026
Том 26

Редакционный совет

Юрген БАЗЕДОВ

Беа ВЕРШРАЕГЕН

В.В. ВИТРЯНСКИЙ

Г.А. ГАДЖИЕВ

А.Г. ДОЛГОВ

В. ЕМ

И.С. ЗЫКИН

А.С. КОМАРОВ

Хельмут КОЦИОЛЬ

П.В. КРАШЕНИННИКОВ

А.А. МАКОВСКИЙ (председатель)

Л.Ю. МИХЕЕВА

Л.А. НОВОСЕЛОВА

Е.А. СУХАНОВ

В.В. ЧУБАРОВ

В.Ф. ЯКОВЛЕВ

Главный редактор

Е.А. СУХАНОВ

Зам. главного редактора

А.Е. ШЕРСТОБИТОВ

С.В. ТРЕТЬЯКОВ

Ответственные редакторы

М.И. ЛУХМАНОВ

М.А. ПШЕНИЧНИКОВ

И.Р. АБДУЛЛИН

Редакционная коллегия

Е.В. ВЕРШНИНИНА, А.В. ЕГОРОВ,

О.М. КОЗЫРЬ, А.Н. КУЧЕР,

А.А. МАКОВСКАЯ, Е.А. ПАВЛОВА,

С.В. САРБАШ, С.А. СИНИЦЫН,

Н.Б. ШЕРБАКОВ, Т.С. ЯЦЕНКО

ISSN 1992-2043

Отдел подписки: mvgp@mvgp.org

Журнал «Вестник гражданского права»
выходит три раза в полугодие,
зарегистрирован Федеральной службой
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Пер. № ФС77-25484 от 14 августа 2006 г.

Учредители:

В. ЕМ, А.А. Маковский, Е.А. Суханов

Издатель: ООО «Издательский дом В. Ем»
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2.
тел.: +7 (495) 649 18 06; www.mvgp.org

Перепечатка материалов из журнала
«Вестник гражданского права»
допускается только с согласия Издателя.
Ссылка на источник опубликования обязательна.

Издатель или Редакция не дают справок
и консультаций и не вступают в переписку.
Рукописи не возвращаются.

Учредитель, Издатель не несут ответственности
за содержание рекламы и объявлений.

Журнал «Вестник гражданского права»
включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
доктора и кандидата юридических наук.

Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации

CIVIL LAW

R E V I E W

No. 1
2026
Vol. 26

Editorial Council

Jürgen BASEDOW

Bea VERSCHRAEGEN

V.V. VITRYANSKY

G.A. GADZHIEV

A.G. DOLGOV

V. EM

I.S. ZYKIN

A.S. KOMAROV

Helmut KOZIOL

P.V. KRASHENINNIKOV

A.L. MAKOVSKY (chairman)

L.Yu. MIKHEEVA

L.A. NOVOSELOVA

E.A. SUKHANOV

V.V. CHUBAROV

V.F. YAKOVLEV

Editor-in-Chief

E.A. SUKHANOV

Deputy Editors-in-Chief

A.E. SHERSTOBITOV

S.V. TRETYAKOV

Managing and Executive Editors

M.I. LUKHMANOV

M.A. PSHENICHNIKOV

I.R. ABDULLIN

Editorial Board

E.V. VERSHININA, A.V. EGOROV,

O.M. KOZYR, A.N. KUCHER,

A.A. MAKOVSKAYA, E.A. PAVLOVA,

S.V. SARBASH, S.A. SINITSYN,

N.B. SHCHERBAKOV, T.S. YATSENKO

ISSN 1992-2043

Subscription Dep.: mvgp@mvgp.org

Founders:

V. Em, A.L. Makovsky, E.A. Sukhanov

The *Civil Law Review* Journal is being published three times in a half of the Year.

The *Civil Law Review* is registered by the Federal Service for supervision of legislation in mass communications and cultural heritage protection (Russia). Reg. No. FS77-25484 of August 14, 2006.

Reprint and republication of all the materials of the *Civil Law Review* Journal are allowed only with the consent of the Publisher. The appropriate reference to the source of publication is obligatory.

The Publisher and the Editor's office do not render information and consultations and do not enter into correspondence. Manuscripts are not being returned. The Founders and the Publisher are not responsible for the content of advertisements and announcements.

The *Civil Law Review* Journal is included into the official governmental List of leading peer-reviewed scientific periodicals (Russia).

Publisher:

LLC «V. Em Publishing House»

119454, Moscow, Lobachevskogo St., 92,

Bldg. 2.

Phone: +7 (495) 649 18 06; www.mvvp.org

Private Law Research Centre under the President
of the Russian Federation named after S.S. Alexeev

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
А.Л. МАКОВСКОГО»
(К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ:
СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ*

■

А.Г. АРХИПОВА,

кандидат юридических наук, доцент Исследовательского центра частного права
им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, заместитель Председателя
Морской арбитражной комиссии при ТПП РФ

<https://doi.org/10.24031/1992-2043-2026-26-1-7-20>

Актуальное регулирование возмещения вреда здоровью гражданина вызывает целый ряд трудностей, которые не позволяют говорить о полноценной, гарантированной защите потерпевших в этом виде деликтов. Среди этих трудностей – неопределенность в составе возмещаемого вреда; обилие императивных норм, в значительной степени утративших актуальность; избыточная взаимосвязь гражданско-правовых отношений, возникающих в сфере возмещения вреда, и социального обеспечения (в том числе социального, обязательного медицинского страхования). Отдельно следует упомянуть принципы «нуждаемости» и невозможности бесплатного получения медицинской помощи, которые существенно осложняют взыскание расходов на лечение. Некоторые из упомянутых проблем могут быть решены благодаря разъяснениям Конституционного Суда РФ. Однако для решения остальных требуется ревизия соответствующих статей ГК РФ.

Ключевые слова: возмещение вреда; вред здоровью человека; деликт; социальное обеспечение; обязательное социальное страхование; обязательное медицинское страхование.

* Доклад сделан в рамках научно-практической конференции «Цивилистическое наследие А.Л. Маковского», посвященной 95-летию со дня рождения Александра Львовича Маковского и состоявшейся в ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ 21 ноября 2025 г.

COMPENSATION OF HARM TO INDIVIDUAL'S HEALTH: OLD PROBLEMS AND NEW SOLUTIONS

A.G. ARKHIPOVA,

PhD in Law, Associate Professor, Research Center of Private Law
under the President of the Russian Federation named after S.S. Alekseev, Deputy Head,
Maritime Arbitration Commission at the Russian Chamber of Commerce

Current regulation of compensation of harm to individual's health causes a significant number of difficulties. One cannot say that the damaged party is fully and surely protected in this type of torts. Among these difficulties one should name uncertainty as to the scope of harm that is subject to compensation; abundance of mandatory rules that, to a large extent, have become obsolete; excessively close ties between civil relations pertaining to compensation of harm, and social security, including mandatory social and medical insurance. Besides, the principles of "neediness" and of impossibility of obtaining medical care free of charge, that significantly complicate compensation of medical expenses, should be mentioned. Some of the above-mentioned problems can be solved by virtue of the instructions of the Constitutional Court of the Russian Federation. However, a serious revision of the relevant articles of the Russian Civil Code is required to resolve the remaining problems.

Keywords: compensation of harm; harm to individual's health; tort; social security; mandatory social insurance; mandatory medical insurance.

Возмещение вреда здоровью гражданина традиционно воспринимается как сфера гражданского права, направленная на максимальную защиту потерпевшего. Это связано с двумя основными причинами. Во-первых, здоровье – это максимально деликатная сфера, мало с чем сравнимая по ценности. Во-вторых, потерпевший в деликтных отношениях заслуживает самой серьезной защиты, поскольку в отличие от ситуации с нарушением договора он оказался стороной деликта помимо своей воли.

По этим причинам можно ожидать, что права потерпевшего в этом виде деликтов максимально защищены, а суды при рассмотрении споров встают на их сторону. Однако на самом деле, к сожалению, это не так. Возмещение вреда здоровью является видом споров, в котором проявляется целый ряд серьезных проблем. Для некоторых из них, возможно, будут найдены решения, основанные на недавней практике КС РФ. Другие проблемы пока не удается разрешить этим способом.

Сама по себе необходимость полноценной защиты потерпевших в этом виде деликтов не вызывает сомнений. Автор поэтому видит задачу настоящей работы в следующем: идентифицировать проблемы, которые затрудняют возмещение потерпевшими вреда; проанализировать недавнюю практику КС РФ; рассмотреть вопрос о том, как эта практика уже изменила или может изменить ситуацию; поразмышлять о том, как могут быть решены остальные проблемы, на которые практика КС РФ не повлияла.

1. СЛОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ГК РФ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

1.1. Возмещение вреда здоровью регулируется прежде всего ст. 1085 ГК РФ. В ней упомянуто два вида возмещаемого вреда: утраченный заработок и «дополнительные расходы», понесенные на лечение, дополнительное питание, протезирование, приобретение лекарств и т.п. Упоминание в этой статье только двух видов вреда может поставить вопрос о том, подлежат ли возмещению другие категории вреда. Статья 1064 ГК РФ предусматривает, что возмещению подлежит любой вред и возмещение должно быть полным. Однако ст. 1085 ГК РФ может восприниматься как специальная, относящаяся именно к возмещению вреда.

На практике вполне можно представить себе расходы, возникающие в связи с причинением вреда здоровью, но прямо не упомянутые в ст. 1085 ГК РФ. Например, причинение вреда здоровью может вызвать расходы не только у самого потерпевшего, но и у членов его семьи. Они могут нуждаться в психологической помощи, терять доходы из-за необходимости ухода за своим родственником и т.п. Однако в ст. 1085 ГК РФ компенсация расходов третьих лиц не предусмотрена.

Помимо определения круга лиц, чьи расходы подлежат компенсации, в «серой зоне» по буквальному толкованию ст. 1085 ГК РФ оказываются расходы (как самого потерпевшего, так и иных лиц), связанные с ухудшением качества жизни, с восстановлением привычных занятий и возможностей, с потерей времени. В известной степени эти расходы могут компенсироваться в рамках возмещения морального вреда (ст. 1099 ГК РФ). Однако это не совсем корректно. Моральный вред – это категория, заведомо не поддающаяся точному исчислению. При возмещении этого вида вреда речь априори не может идти о строгом соблюдении принципа компенсационности. В то же время вред, возмещаемый по ст. 1085 ГК РФ, призван компенсировать фактические или неизбежные расходы потерпевшего. Следовательно, в ситуациях, когда расходы в связи с повреждением здоровья поддаются подсчету, было бы корректнее компенсировать их не в рамках возмещения морального вреда, а в порядке ст. 1085 ГК РФ.

Принципиальный ответ на поставленный выше вопрос был дан КС РФ в постановлении от 25 июня 2019 г. № 25-П (далее – Постановление № 25-П). КС РФ отметил, что при возмещении вреда по ст. 1085 ГК РФ необходимо «восполне-

ние всех... расходов, которые потерпевший произвел (должен произвести) в связи с... повреждением здоровья». Определяя цели возмещения вреда, суд сослался не только на восстановление здоровья потерпевшего, но и на «компенсацию (устранение) обстоятельств, которые ухудшают условия жизнедеятельности». Суд также указал, что исключения из правила полного возмещения вреда должны быть закреплены в законе и должны быть «юридически обоснованными и социально оправданными».

Таким образом, противоречие между ст. 1064 ГК РФ, предполагающей полное возмещение вреда, и буквальной формулировкой ст. 1085 ГК РФ разрешено в пользу ст. 1064. Этот подход, конечно, можно только поддержать: очевидно, что в случае причинения вреда здоровью нет никаких оснований отступить от базового принципа деликтного права, предполагающего, что вред должен быть возмещен в полном объеме. Наоборот, как показано выше, особое значение здоровья как фундаментального блага заставляет задуматься об усилении гарантий возмещения.

После принятия Постановления № 25-П в судебной практике наметился переход от узкого понимания ст. 1085 ГК РФ к широкому, соответствующему принципу полного возмещения. КС РФ повторно высказался по этой проблеме и в Постановлении от 31 января 2025 г. по делу Ромаданова¹, отметив, что «пункт 1 статьи 1085 ГК РФ ни сам по себе, ни в системной связи с иными положениями гражданского законодательства не содержит каких-либо исключений из общего правила о полноте возмещения вреда, причиненного повреждением здоровья». Таким образом, можно считать, что эта проблема в российской практике решена.

Однако на этом трудности, связанные с применением ст. 1085 ГК РФ, не исчерпываются.

1.2. Первым видом возмещаемого вреда, прямо указанным в ст. 1085 ГК РФ, является «утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь». Упоминание не только заработка, но и иного дохода означает, что речь идет не только о заработной плате по трудовому договору, но и о других видах доходов. В п. 27 Постановления Пленума № 1² эти доходы определены как «средства, получаемые потерпевшим по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам, а также от предпринимательской и иной деятельности (например, интеллектуальной) до причинения увечья или иного повреждения здоровья».

¹ Постановление КС РФ от 31 января 2025 г. «По делу о проверке конституционности статьи 1085 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Ромаданова».

² Постановление Пленума ВС РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

На практике, однако, возмещение утраченного заработка производится в порядке, описанном в ст. 1086 ГК РФ. Эта статья содержит конкретный алгоритм определения размера утраченного заработка в зависимости среднего месячного заработка (дохода) гражданина.

Прежде всего стоит отметить, что почти все обстоятельства, подлежащие установлению при определении размера утраченного заработка, должен доказать потерпевший. Он же несет риск того, что те или иные доходы не подтверждены надлежащими документами.

Заработок (доход) в первую очередь определяется в ст. 1086 ГК РФ в зависимости от размера заработной платы по трудовому договору. Вполне логично, что учитываются только доходы, в отношении которых гражданин уплачивает налоги, а неофициальные подработки не влияют на определение размера заработка. Однако в части предпринимательской деятельности ссылка на данные налоговой инспекции означает на практике, что предприниматель может доказать лишь уже полученные доходы. При этом, если для трудовых отношений п. 5 ст. 1086 ГК РФ содержит норму о том, что при существенном повышении заработной платы потерпевшего незадолго до увечья следует принимать во внимание именно этот повышенный размер, то аналогичного механизма для предпринимателя не предусмотрено.

В постановлении от 5 июня 2012 г. № 13-П КС РФ пояснил, что индивидуальный предприниматель, применяющий упрощенную систему налогообложения (единый налог на вмененный доход), вправе применять иные документы, помимо налоговой декларации, для обоснования фактического дохода. Тем не менее, риски, связанные с нестабильным получением дохода (в том числе по причинам, не зависящим от предпринимателя) или со сложностями доказывания фактического дохода, остаются на потерпевшем.

Примерно так же обстоит дело с лицами, получающими доходы от своей интеллектуальной деятельности. Прежде всего при буквальном прочтении ст. 1086 ГК РФ видно, что в ней обозначен только авторский гонорар. Однако доходы от интеллектуальной деятельности этим не ограничиваются. Этот недостаток законодательной техники компенсируется в п. 27 Постановления № 1, где уточняется, что возмещению подлежат также доходы «от иной деятельности, например, интеллектуальной».

Кроме того, по ст. 1086 ГК РФ авторские гонорары учитываются, по общему правилу, за последние двенадцать месяцев. Таким образом, норма упускает из виду вполне возможную в жизни творческих людей ситуацию, при которой крупная сумма была получена художником (автором, изобретателем и т.п.) больше года назад, а в текущем году работа над объектом интеллектуальной собственности еще не завершена, и вознаграждение по ней еще не получено.

Из формулировки ст. 1086 ГК РФ неясно, должны ли суды учитывать доходы от сдачи имущества в аренду, от ценных бумаг и управления иными активами,

другие, довольно разнообразные варианты дохода, существующие в современном мире, но не подпадающие ни под трудовые, ни под предпринимательские. Данное в п. 2 ст. 1086 ГК РФ указание на то, что «не учитываются выплаты единовременного характера», довольно сложно применить к ситуациям, когда работник получает бонус (в виде денежной премии или ценных бумаг) за многолетний труд, другими словами, к случаям, когда сама выплата является разовой, но право на ее получение приобретается в течение длительного времени. Похожие сомнения возникают по поводу регулярных, но не денежных бонусов, например, в виде предоставления медицинских услуг, возможности пользования спортивной инфраструктурой, психологического сопровождения, участия в образовательных проектах.

Дополнительная сложность для потерпевшего возникает из-за наличия в ст. 1086 указания на то, что возмещается «заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь». В судебной практике эта формулировка приобретает еще более строгий характер: «Под заработком, который потерпевший определенно мог иметь, следует понимать те доходы потерпевшего, которые при прочих обстоятельствах *совершенно точно могли бы быть им получены*, но не были получены в результате причинения вреда его здоровью [курсив мой. – А.А.]»¹.

Указанная норма и интерпретация, даваемая ей в судебной практике, исключают возмещение любого предполагаемого, возможного заработка. К примеру, популярный актер, пострадавший от причинения вреда здоровью, вряд ли сможет сослаться на то, что у него были запланированы съемки кинофильма, которые должны были принести ему серьезный доход. Во-первых, для обоснования этой позиции ему нужен был бы подписанный и впоследствии расторгнутый договор. Если же причинение вреда произошло до подписания договора, актеру будет крайне трудно доказать свое вовлечение. Во-вторых, если гонорар актера зависел от кассового успеха кинофильма, то доказать размер этого гонорара актер не сможет, ведь в результате причиненного актеру увечья фильм не был создан, либо был снят, но с другим составом, что могло существенно повлиять на его успех в прокате.

В судебной практике все последние годы прослеживается подход, согласно которому в состав доходов, подлежащих возмещению по ст. 1086 ГК РФ, не включается неполученная выгода². Нужно отметить, что встречаются и судебные акты, в которых неполученная выгода взыскивается, однако они находятся в меньшинстве. Подход, согласно которому неполученная выгода исключается, по всей видимости, является развитием описанной выше идеи, согласно которой для возмещения утраченного заработка необходима полная, безоговорочная уверенность

¹ Определение ВС РФ от 14 августа 2023 г. № 19-КГ23-17-К5.

² См., напр., определения Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 9 июня 2022 г. № 88-8946/2022, от 29 сентября 2022 г. № 88-15427/2022, от 5 декабря 2023 г. № 88-20254/20230, Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2024 г. № 88-758/2024.

в том, что такой заработок мог быть получен. На наш взгляд, этот подход является устаревшим и отстает от общей тенденции гражданского права, которая состоит в упрощении порядка доказывания размера убытков для стороны, требующей их возмещения.

Однако самая, пожалуй, серьезная трудность, связанная с «утраченным заработком», состоит в том, что его размер рассчитывается не только на основе предшествующих доходов потерпевшего, но и с учетом степени утраты им трудоспособности (п. 1 ст. 1086 ГК РФ).

Понятие утраты трудоспособности отсылает к законодательству социального обеспечения, в том числе обязательного социального страхования. О сложностях, возникающих в связи с необходимостью параллельного применения законодательства о социальном обеспечении (в том числе об обязательном страховании) и норм деликтного права, будет сказано ниже. Сейчас необходимо упомянуть, что степень утраты трудоспособности определяется по российскому праву единственным возможным способом. Согласно ч. 3 ст. 11 Закона «Об обязательном социальном страховании»¹ степень утраты профессиональной трудоспособности устанавливается учреждением медико-социальной экспертизы (МСЭ). Порядок функционирования таких учреждений определяется рядом подзаконных актов Минздрава России. Для обсуждения правового положения потерпевшего важно, что выбор таких учреждений существенно ограничен. Потерпевший не может обратиться в негосударственную медицинскую организацию для прохождения экспертизы. Порядок прохождения экспертизы также детально урегулирован и фактически не оставляет потерпевшему каких-либо возможностей для выбора наиболее подходящей ему траектории.

Из п. 1 ст. 1086 ГК РФ следует, что если потерпевший не обращается в учреждение МСЭ для прохождения экспертизы, то он в принципе лишается возможности возмещения вреда, поскольку в отсутствие установленного процента утраты трудоспособности не сможет обосновать его размер. При этом сам по себе факт утраты трудоспособности может быть очевидным либо, в теории, может подтверждаться иными документами. Подобный формальный подход, сохраняющийся в ГК РФ, вряд ли можно назвать актуальным и защищающим интересы потерпевшего.

1.3. В п. 1 ст. 1085 ГК РФ упомянуты также «дополнительные расходы, вызванные повреждением здоровья». Перечень таких расходов является открытым, что вполне отвечает интересам потерпевших. Однако возможность возмещения таких расходов поставлена под два условия. Первое из них состоит в том, что потерпевший нуждается в соответствующей помощи. Второе условие заключается в том, что потерпевший не имеет право на получение помощи бесплатно.

¹ Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (далее – Закон № 125-ФЗ).

Прежде всего отметим, что, как и в случае с неполученным заработком, все обстоятельства, упомянутые в рассматриваемой статье, в том числе соблюдение указанных выше условий, должен доказать потерпевший. Возложение этого бремени доказывания на потерпевшего, очевидно, не упрощает его положение. В анализируемых статьях, регулирующих порядок возмещения вреда, практически отсутствуют механизмы, позволяющие облегчить это бремя доказывания. Исключением, пожалуй, является лишь предусмотренная в п. 4 ст. 1086 ГК РФ возможность расчета предшествующего дохода потерпевшего исходя из средних размеров вознаграждения работников такой же квалификации и размера прожиточного минимума.

Взаимосвязанные требования «нуждаемости» и невозможности бесплатного получения помощи приводят к дополнительному усложнению положения потерпевших. Критерий нуждаемости не разъяснен в ст. 1085 ГК РФ. В судебной практике также нет ясности насчет того, как именно должна подтверждаться нуждаемость, например, достаточно ли заключения лечащего врача или требуется мнение консилиума; следует ли признавать наличие нуждаемости в случае, когда врачи указывают, что то или иное лечение является рекомендованным.

Еще более серьезные трудности возникают у потерпевших на этапе обоснования отсутствия возможности бесплатного получения помощи. Российское законодательство¹ предоставляет каждому возможность получения бесплатной медицинской помощи в порядке обязательного медицинского страхования (ОМС). Нужно оговориться, что находящиеся в России иностранные граждане могут не иметь полиса ОМС. Однако граждане России и многие иностранные граждане входят в программу обязательного медицинского страхования. Принятый в России стандарт ОМС является достаточно высоким по своему объему. Некоторые виды медицинской помощи в него не входят, например, ОМС не предполагает компенсации за приобретение лекарственных средств в ходе амбулаторного лечения, не охватывает некоторые виды высокотехнологической, стоматологической помощи. Однако основные виды медицинской помощи доступны в рамках ОМС.

Удивительно, но эта в целом позитивная особенность российской системы социального обеспечения может оказывать негативное воздействие на перспективы возмещения вреда здоровью. Требование, согласно которому потерпевший должен доказать, что не мог получить ту или иную помощь бесплатно, часто трактуется судами таким образом, что если подобная помощь в принципе доступна в рамках ОМС, то потерпевший не вправе требовать возмещения вреда. При этом не принимается во внимание, что потерпевший мог выбрать частную клинику или обратиться в государственное медицинское учреждение в порядке оказания им платных услуг. Такое решение потерпевшего могло быть продик-

¹ Ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

товано соображениями удобства, доверия к конкретному врачу, выбора предпочтительного способа лечения, более быстрого получения помощи и т.п. Однако в таких случаях суды воспринимают наличие бесплатной альтернативы как препятствие к возмещению вреда.

Нужно признать, что такое понимание напрямую вытекает из текста ст. 1085 ГК РФ. В качестве примера формального прочтения этой статьи можно сослаться на определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 6 октября 2020 г. по делу № 8Г-5519/2020[88-6251/2020]. Потерпевший обратился в государственное медицинское учреждение по месту получения травмы. Поскольку истец был зарегистрирован в другом регионе, помощь ему была оказана на платной основе. Суд отказал в возмещении вреда, отметив, что у потерпевшего имелась возможность бесплатно получить лечение по месту жительства. При этом, как следует из судебного акта, суд пренебрег серьезностью полученной травмы (перелом конечности) и тем, что у потерпевшего вряд ли имелась возможность добраться до другого региона без получения медицинской помощи.

Таким образом, критерии нуждаемости и невозможности бесплатного получения помощи на практике оказываются серьезным барьером к возмещению вреда потерпевшими.

1.4. Стоит остановиться на еще одной проблеме – соотношения положений о возмещении вреда здоровью, с одной стороны, и норм, регулирующих социальное обеспечение и связанное с ним обязательное страхование, – с другой.

Как указано выше, наличие в России системы социального обеспечения является базовой гарантией прав человека. В эту систему, в частности, входит социальное страхование, осуществляемое в соответствии с Законом № 125-ФЗ, и обязательное медицинское страхование, регулируемое Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации».

Формально положения гл. 59 ГК РФ, в частности ст. 1085 и 1086 Кодекса, не связаны с указанными выше нормами законодательства о социальном обеспечении. Однако на практике подавляющее большинство случаев причинения вреда здоровью охватывается либо обязательным социальным страхованием, либо обязательным медицинским страхованием, либо обоими этими видами.

В п. 2 ст. 1 Закона № 125-ФЗ указано, что он «не ограничивает права застрахованных на возмещение вреда... в части, превышающей обеспечение по страхованию». Эта формулировка означает, что требование к Социальному фонду о предоставлении обеспечения по страхованию является для потерпевшего приоритетным. Лишь в случае, если предоставленного обеспечения окажется недостаточно для полного возмещения вреда, потерпевший (застрахованное лицо) может обратиться к причинителю в порядке ст. 1085 ГК.

Установление Законом № 125-ФЗ субсидиарного порядка предъявления требований, безусловно, противоречит ст. 1064 ГК РФ, которая предполагает, что

вред должен быть возмещен причинителем. В силу ст. 3 ГК РФ законы, содержащие гражданско-правовые нормы, не должны противоречит кодексу. Однако на практике в спорах по возмещению вреда приоритет отдается специальным нормам Закона № 125-ФЗ. Этот подход закреплен и в п. 4 постановления Пленума ВС РФ от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний». В названном пункте указано, что возмещение вреда в случаях, охватываемых Законом № 125-ФЗ, производится в порядке обязательного социального страхования.

Между тем установление субсидиарного порядка предъявления требований может в некоторых случаях ущемлять права потерпевших. Как указано выше, процедура обращения за обеспечением в Социальный фонд предполагает для потерпевшего необходимость соблюдения целого ряда формальностей. В их числе – обращение в учреждения МСЭ, прохождение обследований и экспертиз по указанию этого учреждения, соблюдение требований к медицинским организациям, где потерпевший может получить те или иные виды помощи. Отказ потерпевшего от соблюдения этих формальностей, а также от обращения в Социальный фонд фактически блокирует возможность обращения с требованием к причинителю вреда. Речь идет не о том, что потерпевшему пришлось бы отдельно доказывать размер вреда при предъявлении требования к причинителю, а о полной невозможности возмещения вреда в целом.

Похожая ситуация сложилась применительно к соотношению требования о возмещении вреда и требования о предоставлении страхового обеспечения по ОМС. Нужно, правда, отметить, что в данном случае правовое основание для такой ситуации иное. Речь идет об уже упомянутом условии о невозможности бесплатного получения помощи, которое содержится в ст. 1085 ГК РФ.

В данном случае не возникает вопроса о соотношении положений ГК РФ и иных законов, содержащих нормы гражданского права. Однако на практике результат одинаковый: потерпевший, желающий предъявить к причинителю требование о возмещении «дополнительных расходов», должен вначале потребовать оказания ему медицинской помощи в рамках ОМС. Лишь в том случае, если такая помощь ему не может быть предоставлена, он может обратиться за аналогичной помощью на платной основе и потребовать от причинителя компенсации понесенных расходов. Как и в случае с Социальным фондом, отказ потерпевшего от обращения за помощью в порядке ОМС может привести к полной невозможности возмещения вреда.

Во многих случаях наличие гарантированного страхового обеспечения в рамках обязательного социального и (или) обязательного медицинского страхования является безусловным благом для потерпевших. Однако ситуацию, в которой это благо превращается в принуждение, а отказ потерпевшего от обращения к обязательному страхованию блокирует требование к причинителю вреда, вряд ли можно признать нормальной.

2. ПОСТАНОВЛЕНИЕ КС РФ ПО ДЕЛУ РОМАДАНОВА

С учетом серьезности указанных выше проблем весьма важными представляются соображения, изложенные в Постановлении КС РФ от 31 января 2025 г. по делу о проверке конституционности ст. 1085 ГК РФ в связи с жалобой гражданина Р.В. Ромаданова (далее – Постановление по делу Ромаданова).

Заявитель обратился в стоматологическую клинику, где ему была некачественно оказана медицинская услуга. В ходе удаления зуба был допущен перелом нижней челюсти. Пациент был госпитализирован в больницу, где ему была на платной основе проведена операция – металлоостеосинтез титановыми пластинами. Расходы на это лечение потерпевший пытался взыскать с причинителя вреда. Хотя суд первой инстанции иск удовлетворил, последующие инстанции отказали заявителю, сославшись на то, что истец имел возможность получить помощь в рамках ОМС. При обращении в КС РФ заявитель пояснил, что в рамках ОМС предполагался иной тип лечения, менее эффективный, нежели тот, которым он воспользовался на платной основе. Оба типа лечения предусмотрены утвержденными клиническими рекомендациями.

КС РФ вновь подтвердил приоритет принципа полного возмещения вреда, однако признал, что в судебной практике сложилось такое понимание п. 1 ст. 1085 ГК РФ, при котором потерпевшие фактически ограничены в самостоятельном выборе способа лечения. Когда они предъявляют требования о взыскании расходов, понесенных в ходе оказания платных медицинских услуг, суды обычно отказывают в удовлетворении этих требований. Как отметил КС РФ, «такой подход фактически стимулирует потерпевшего пользоваться лишь теми из предусмотренных клиническими рекомендациями способами лечения, которые охватываются программой ОМС; в противном случае... лицо, как правило, лишается возможности компенсации понесенных... расходов за счет причинителя вреда».

Представляется крайне важным четкое указание КС РФ на то, что «пациент вправе выбрать именно платную медицинскую услугу... Выбор варианта лечения – платного или бесплатного – остается правом пациента».

Суд также рассмотрел вопрос о потенциальных злоупотреблениях со стороны потерпевших в случаях, если им будут возмещаться расходы на платное лечение при наличии бесплатной альтернативы. КС РФ указал: «разрешение вопроса о возможности (необходимости) возмещения расходов, понесенных потерпевшим... осуществляется судом... применительно к каждому случаю индивидуально... Размер расходов на лечение конкретного потерпевшего должен быть разумным и обоснованным, что может быть определено судом исходя из обычной стоимости этого лечения в конкретной местности и при прочих аналогичных обстоятельствах».

3. ИЗМЕНЕНИЯ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПОСЛЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ДЕЛУ РОМАДАНОВА

С момента вынесения Постановления по делу Ромаданова прошло не так много времени. Однако, на наш взгляд, четкая позиция, высказанная КС РФ в этом документе, позволила в некоторой степени изменить судебную практику. К примеру, из определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 января 2025 г. № 88-877/2025 видно, что нижестоящий суд отказал потерпевшей в возмещении расходов на платное лечение. Однако суды вышестоящих инстанций заняли иную позицию, признав, что выбор платного лечения был обоснованным. Из определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2025 г. № 88-13150/2025 следует, что уже суды всех инстанций удовлетворили требование потерпевшей о возмещении расходов на платное лечение, хотя в ходе рассмотрения дела было установлено, что потерпевшая имела возможность получения медицинских услуг по полису ОМС.

Хотя Постановление по делу Ромаданова формально относится лишь к вопросу о невозможности получения бесплатной помощи, можно предположить, что его принятие привело к изменению позиций судов и по другим ограничительным аспектам возмещения вреда. К примеру, Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 22 июля 2025 г. по делу № 88-18814/2025 подтвердил правомерность взыскания расходов истца на сиделку. Ранее требования о возмещении подобных расходов практически не удовлетворялись судами.

Таким образом, Постановление по делу Ромаданова позволило улучшить ситуацию с некоторыми «наболевшими» проблемами в сфере возмещения вреда здоровью. Необходимо, однако, сделать некоторые оговорки. Судебная практика не всегда меняется быстро. Уже после принятия постановления встречаются дела, в которых суды продолжают применять рассмотренные выше положения о возмещении вреда здоровью формально, не в пользу потерпевших. Например, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 15 марта 2025 г. по делу № 88-13144/2025 отказал в возмещении расходов на платные услуги, указав: «получая указанные выше медицинские услуги в платном порядке, истец не представил достаточных доказательств невозможности получения в Российской Федерации услуг бесплатно в рамках программы обязательного медицинского страхования, а самостоятельный выбор истцом проведения лечения на платной основе... не свидетельствует об отсутствии возможности получить необходимый объем лечения в рамках программы обязательного медицинского страхования».

В некоторых делах можно заметить, что суды, изменив подход к вопросу о бесплатном получении помощи, который был непосредственно проанализирован в деле Ромаданова, сохранили без изменений подходы к другим трудностям в сфере возмещения вреда здоровью. Например, из определения Первого кассацион-

ного суда общей юрисдикции от 5 августа 2025 г. № 88-18942/2025 следует, что суды нижестоящих инстанций, рассмотрев требование истицы, которая получила повреждения здоровья в результате нападения собак, принадлежавших ответчику, взыскали с причинителя вреда в том числе расходы истца на косметологическое лечение и на прохождение психотерапии для коррекции посттравматического стрессового расстройства. Однако кассационная инстанция не согласилась с этой позицией, отметив, что в заключении судебно-медицинской экспертизы имеется ссылка на «рекомендованность» косметологического лечения и «целесообразность» психотерапии.

В заключение следует еще раз подчеркнуть существенную роль КС РФ в развитии отечественного законодательства и практики возмещения вреда здоровью. В настоящей работе проанализированы Постановление № 25-П и Постановление по делу Ромаданова, которые позволили существенно улучшить практику в части применения к возмещению вреда здоровью принципа полного возмещения и ограничения применения условия о невозможности получения бесплатной помощи. Рассмотрено также постановление от 5 июня 2012 г. № 13-П, позволившее улучшить положение потерпевших – индивидуальных предпринимателей. Безусловно, роль КС РФ в развитии практики по возмещению вреда здоровью этим не ограничивается. Однако в задачи настоящей работы не входил анализ всей практики КС РФ по затронутому вопросу.

Анализ судебной практики показывает, что суды в целом прислушиваются к разъяснениям КС РФ и готовы постепенно менять подходы к рассмотрению споров о возмещении вреда здоровью. Однако иногда такие изменения происходят медленно или ограниченно. Хотелось бы, чтобы Постановление по делу Ромаданова было воспринято судами не только применительно к принципу невозможности бесплатного получения помощи, но и в смысле необходимости более комплексной защиты потерпевших.

В то же время стоит признать, что Постановление по делу Ромаданова вряд ли могло разрешить многочисленные трудности, связанные с определением размера утраченного заработка. Оно также не могло затронуть сложности, связанные с одновременным применением к отношениям по возмещению вреда здоровью правил гл. 59 ГК РФ и положений об обязательном социальном и медицинском страховании.

Таким образом, несмотря на огромное значение практики КС РФ, она вряд ли может разрешить все проблемы, накопившиеся в сфере возмещения вреда здоровью. Препятствием к усилению защиты потерпевших в судебной практике являются недостатки законодательного регулирования. С момента принятия ст. 1085 и 1086 в составе второй части ГК РФ прошел уже значительный срок. Положения этих статей, как представляется, перестали отвечать актуальным потребностям граждан, которые на сегодняшний день включают свободный выбор медицинских учреждений и большую свободу в сборе доказательств

по предъявляемым требованиям. Эти положения также разошлись с изменениями, которые были внесены в общие положения ГК РФ и были направлены на облегчение доказывания размера убытков. Утратила актуальность и субсидиарная структура требований, в рамках которой потерпевший должен в принудительном порядке обращаться за обеспечением по обязательному социальному и (или) медицинскому страхованию, а в противном случае полностью утрачивает возможность возмещения вреда с причинителя.

Сказанное означает, что пришло время приступить к переоценке положений ГК РФ о возмещении вреда здоровью. Целью возможной реформы могло бы стать предоставление потерпевшему более серьезных гарантий возмещения вреда наряду с сохранением автономии воли. Задачи по усиленной защите прав потерпевших предполагают, что у них должен иметься выбор в части того, как, когда, каким способом им будет оказываться помощь. Опасения, связанные с возможными злоупотреблениями, верно прокомментированы Конституционным Судом: суд при рассмотрении конкретного требования всегда может соотнести расходы, заявленные истцом, со средними расценками на аналогичные медицинские услуги. Таким образом, нет препятствий для того, чтобы отказаться от устаревших ограничений, ухудшающих правовое положение потерпевших.

Information about the author

Arkhipova A.G. (Moscow, Russia) – PhD in Law, Associate Professor, Research Center of Private Law under the President of the Russian Federation named after S.S. Alekseev, Deputy Head, Maritime Arbitration Commission at the Russian Chamber of Commerce (8, Bldg. 2 Ilyinka St., Moscow, 109012, Russia; e-mail: arkhipova@privlaw.ru).

РЕГИСТРАЦИЯ ПРАВА ИПОТЕКИ: ПРИНЦИП ВНЕСЕНИЯ ИЛИ ПРИНЦИП ПРОТИВОПОСТАВИМОСТИ?^{*,**}

И.И. ЗИКУН,

кандидат юридических наук, заместитель председателя совета (руководителя)
Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева
при Президенте РФ

<https://doi.org/10.24031/1992-2043-2026-26-1-21-54>

В статье рассматривается проблема необходимости применения к вопросам регистрации права ипотеки принципа внесения или принципа противопоставимости. На основе возникших в судебной практике дел автор приходит к выводу, что при решении вопросов, касающихся возникновения права ипотеки, его передачи третьим лицам, определения надлежащего лица при подаче иска об обращении взыскания на предмет ипотеки, порядка прекращения права ипотеки и погашения регистрационной записи о праве ипотеки, необходимо применять принцип внесения. В статье также рассматривается ряд выделяемых российскими судами исключений из действия принципа внесения применительно к праву ипотеки. Помимо этого в статье исследуется значение записи об ипотеке и ее отсутствие в отношениях с третьими лицами, а также приведены случаи мнимой видимости существования или отсутствия права ипотеки.

Ключевые слова: залог; ипотека; обеспечиваемое обязательство; регистрация; цессия; погашение записи об ипотеке; прекращение залога; недействительность договора ипотеки; залоговая ремиссия.

* Доклад сделан в рамках научно-практической конференции «Цивилистическое наследие А.Л. Маковского», посвященной 95-летию со дня рождения Александра Львовича Маковского и состоявшейся в ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ 21 ноября 2025 г.

** Настоящее исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательскому центру частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ (номер научно-исследовательской работы в ЕГИСУ НИОКТР 1023032300357-3-5.5.1-5.5.1).

REGISTRATION OF MORTGAGE RIGHTS: THE PRINCIPLE OF INCLUSION OR THE PRINCIPLE OF OPPOSABILITY?

I.I. ZIKUN,

PhD in Law, Deputy Head, Research Center of Private Law
under the President of the Russian Federation
named after S.S. Alekseev

This article examines the need to apply the principle of entry or the principle of opposability to mortgage registration matters. Based on cases arising in judicial practice, the author concludes that the principle of entry must be applied to matters concerning the emergence of a mortgage, its transfer to third parties, the determination of the proper person when filing a claim for foreclosure on the mortgaged property, the procedure for terminating a mortgage, and the cancellation of the registration record of the mortgage. The article also examines several exceptions to the principle of entry as applied to mortgages identified by Russian courts. Furthermore, the article examines the significance of the mortgage record and its absence in relations with third parties, and also presents cases of the apparent existence or absence of a mortgage.

Keywords: pledge; mortgage; secured obligation; registration; assignment; cancellation of the mortgage record; termination of pledge; invalidity of mortgage agreement; mortgage remission.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Закладываемый в тот или иной институт принцип определяет ответы на целый ряд вопросов. Использование в институте ипотеки принципа внесения или принципа противопоставимости отнюдь не ограничивается вопросом о том, возникло ли право ипотеки. Принцип определяет многие вопросы существования права ипотеки в динамике на стадии распоряжения субъективным правом, его прекращения, реализации и защиты. В данной статье мы не сможем осветить вопрос о том, какой принцип лучше и должен быть воспринят *de lege ferenda*. Мы постараемся установить, к какому принципу склоняются российские суды в настоящий момент при применении норм об ипотеке, т.е. ответить на вопрос, какой принцип действует *de lege lata*.

Договор, подлежащий государственной регистрации, считается для третьих лиц заключенным с момента его регистрации, если иное не установлено законом (п. 3 ст. 433 ГК РФ). В данном положении реализован принцип противопоставимости, согласно которому регистрация сделки не влияет на само возникновение субъективного права, но влияет на возможность противопоставления субъективного права третьим лицам (трехступенчатая модель – заключение договора залога, возникновение внутреннего обязательства между сторонами (*attachment*), возникновение внешнего эффекта против третьих лиц (*perfection*)). В правоприменительной практике встречаются случаи, когда суды применяют к договору ипотеки положения п. 3 ст. 433 ГК РФ, а также п. 3 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в котором также отражен принцип противопоставимости¹. Вывод сделан судом для целей применения в рамках судебного процесса запрета противоречивого поведения. Начиная разъяснение с уяснения смысла ст. 8.1 ГК РФ, в которой явно речь идет о принципе внесения, Пленум ВС РФ тем не менее дал разъяснение, что лица во внутренних отношениях не могут недобросовестно ссылаться на отсутствие государственной регистрации, т.е., по сути, применил логику принципа противопоставимости. Значит, принцип внесения совместим с запретом противоречивого поведения и разделением отношений на внутренние (договорные) между сторонами договора и внешние с третьими лицами, что противоречит самому смыслу принципа внесения, который говорит о регистрации как об условии возникновения права без расщепления отношения на внутренние и внешние.

Обратим внимание, что по вопросу *значения* внесения записи в ЕГРН об ипотеке в Федеральном законе от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее – Закон об ипотеке) содержится противоречивое регулирование. Принцип внесения проявляет себя в том, что ипотека как обременение имущества, заложенного по договору об ипотеке, или при ипотеке, возникающей в силу закона, возникает с момента государственной регистрации ипотеки (п. 2 ст. 11 Закона об ипотеке), что было воспринято Пленумом ВС РФ (п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2023 г. № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 23))². «Эта истина была очевидна и для законодателя», поэтому в Законе об ипотеке появи-

¹ См. определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 29 сентября 2020 г. № 49-КГ20-11-К6, 2-5320/2018.

² Принцип внесения действует для четырех видов залогов: 1) залога недвижимости (ипотеки); 2) залога долей в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью; 3) залога исключительных прав (права на товарные знаки, изобретения и т.д.); 4) залога ценных бумаг, учитываемых записью по счету в реестре владельцев бездокументарных именных ценных бумаг. См.: Бевзенко Р.С. Борьба за залог: третий этап реформы залогового права России // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 37.

лись положения о необходимости регистрации ипотеки, возникшей в силу закона¹. Незарегистрированный договор ипотеки является ничтожным (например, Италия²). В германском праве регистрация рассматривается как часть сложного юридического состава. Это означает, что ни материальный факт, ни регистрационное действие друг без друга не могут породить юридический результат³. Без внесения записи в реестр право считается возникшим только под условием. Реестровая запись создает презумпцию существования права, а также выстраивает соотношение рангов разных субъективных прав.

Хотя формулировка п. 1 ст. 10 Закона об ипотеке уже устарела и не подлежит применению, но тем не менее. Как пишет Р.С. Бевзенко, российскому праву ипотеки неизвестен так называемый непубличный залог, который действует только во внутреннем отношении залогодателя и залогодержателя⁴. Как из ничтожного договора может возникнуть право ипотеки даже во внутренних отношениях залогодателя и залогодержателя? Напротив, непротивопоставимая сделка является действительной, но действует только между сторонами договора (Франция⁵). В этом случае у залогодержателя появляется либо аналогичное ст. 398 ГК РФ требование о передаче ему индивидуально-определенной вещи (выдаче предмета залога), либо сопоставимое с поручительством требование к залогодателю – третьему лицу⁶.

Однако согласно п. 7 ст. 20 Закона об ипотеке для *третьих лиц* ипотека считается возникшей с момента ее государственной регистрации. Соответственно, во внутренних отношениях залогодателя и залогодержателя право ипотеки должно возникать и без государственной регистрации права ипотеки. Это же согласуется

¹ См.: Правовые проблемы организации рынка ипотечного кредитования в России / под ред. В.С. Ема. М.: Статут, 1999. С. 86–88.

² Незарегистрированная ипотека не производит никакого эффекта, поскольку регистрация имеет конститутивное значение («Si cominci con il dire che l'ipoteca non produce effetti se non con l'iscrizione presso l'Ufficio dell'Agenzia delle entrate, la c.d. «conservatoria dei registri immobiliari» (per i mobili registrati occorre avere riguardo ai rispettivi registri). Si tratta, quindi, di una forma di pubblicità costitutiva». См.: *Giovanni I.* Corso di diritto privato. 5° ed. Torino: Giappichelli, 2022). Также о конститутивном эффекте (*accensione dell'ipoteca, pubblicità costitutiva*) см.: *Bocchini F., Quadri E.* Diritto privato. 8° ed. Torino: Giappichelli, 2022. P. 831, 836; *Torrente A., Schlesinger P.* Manuale di diritto privato. 24° ed. Milano: Giuffrè, 2019. P. 489.

³ См.: *Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: BGB.* Bd. 8: Sachenrecht §§ 854–1296, WEG, ErbbauRG / Hrsg. von R. Gaier. 9. Aufl. München: C.H. Beck, 2023. Kommentar zum § 873 BGB (Beck-online).

⁴ См.: *Бевзенко Р.С.* Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции. СПб.: Legal Academy, 2022. С. 207.

⁵ См.: *Церковников М.А.* Регистрация сделок с недвижимостью во Франции: принцип противопоставимости // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3. С. 61–83.

⁶ См.: *Бевзенко Р.С.* Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции. С. 208–209.